

УДК 67.3

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-28-36

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ В ПОЯВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В МЕЗОАМЕРИКЕ

Кошман В. А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются методологические проблемы происхождения государственности. Внимание заостряется на анализ отдельных регионов в моменты формирования политий. Проанализированы отдельные проблемные аспекты становления структуры общества в Теотиуакане. Указывается, что поиск централизованных моделей управления ни к чему не привели, а вместо этого появляется все больше сведения в пользу гетерархичной системы управления. Приводятся проблемы интерпретаций возникновения государства в долине Оахака. Оценивается роль долины Оахака в формировании государственности в Мезоамерике.

Ключевые слова: Мезоамерика, государственность, сапотекы, Теотиуакан, долина Оахака, Монте Альбан.

Одним из центральных вопросов современной мезоамериканистики является формирование государственных обществ. С учетом множества дискуссий о том, какое из них было первым, встает вопрос о критериях и подходах, используемых при оценке достижения обществом уровня государства. Раннеформативный период Ольмана и Чиапаса был рассмотрен нами ранее, потому мы сконцентрируем свое внимание на более поздних этапах и большем количестве регионов.

С учетом разницы в понимании государства между теорией государства и антропологическими концепциями необходимо сделать ряд уточнений:

1) повсеместным является отсутствие единого понимания содержания данного термина;

2) большие обороты принимает движение за отказ от использования указанного термина в отношении неевропейских обществ, либо же тех обществ, о которых недостаточно сведений письменных источников;

3) в американо-европейской антропологии теория государства не оказывает влияния на выработку понятий. Собственно, и отечественная теория государства в отношении государств, за рамками современности и ближайших периодов европейской истории, является вторичной. Она заимствовала антропологические концепции XIX – первой половины XX века.

Дальнейшая дискуссия в зарубежной науке выпала из поля зрения в виду доминирования марксизма-ленинизма в советский период. В период современной России те отрасли знания, которые могли бы продвигать теорию дальше находятся в состоянии отмирания, так как активных полевых археологических экспедиций зарубежом почти не ведется;

4) фактическим объектом исследования отечественной теории государства является форма политической организации ряда западноевропейских обществ с XVI века по нынешний день. Данное явление называется «nation-state». Современность также не исключает многообразия форм политической организации общества, к

примеру, в Африке. Однако эта проблематика по большей части игнорируется. Это приводит к тому, что часто идет речь о государствах, к примеру, Сомали или Центральноафриканской республике, где они носят формальный характер.

Для начала мы укажем на основные методологические проблемы данного региона. Во-первых, это активное использование термина «государство» и попытки обоснования того, где оно было раньше. Само же определение выводится из ряда признаков, к примеру, от иерархии поселений. Этому сопутствуют фрагментарность и малое количество сведений о характере взаимоотношений между отдельными поселениями.

Во-вторых, это широко практикуемое умещение этих сложных и малоисследованных вопросов в ряд концепций и терминов. Так обстоит ситуация с использованием термина «шаманизм». Он используется как универсальное слово для описания множества культовых специалистов и религиозных практик народов доколумбовой Америки, игнорируя их аутентичное содержание. В конечном итоге, разнообразие и многие местные отличия стираются унифицированным подходом наряду с неосознанным перенесением черт религиозных практик народов Сибири [2]. Собственно, сама проблема является частным случаем смешения этного и эмного.

В-третьих, активное применение аналогий с другими регионами и периодами. Так, это относится к применению концепций вроде «театрального государства», «галактических политий» [8] и иных положений при попытках описания политического устройства низинных майя классического периода.

Едва ли можно сравнивать устройство общества Бали XIX века в условиях переплетения влияния колониальных империй, султанатов и других местных политий с устройством майя. Последние из указанных, как минимум не участвовали в столь же развитой морской торговле и существенно отличались своими орудиями производства.

Впрочем, такая же проблема касается и используемых письменных источников периода испанского владычества. Несомненно, это более релевантный источник, чем предыдущий. Однако вызывает сомнение в прямом применении подобных источников в отношении памятников формативного периода. К примеру, широкое использование эпоса «Пополь-Вух» майя киче в отношении памятников формативного периода. Это равнозначно тому, как если бы мы судили о катакомбном периоде раннего христианства по произведениям современных жителей Леванта. Тем более, что многие символы, несмотря на внешнюю схожесть на протяжении веков, носят разный смысл в зависимости от обстоятельств ситуации, социальных групп и времени, как пример, христианский крест.

Одним из наиболее хорошо исследованных памятников в Мезоамерике, известным своей монументальностью и особенностями является Теотиуакан. Благодаря масштабным исследованиям 70-х годов, известно многое о возникновении и развитии данного поселения. Несмотря на это, вопрос об политическом устройстве остается крайне противоречивым и запутанным. Поскольку в отношении Теотиуакана имеется хронологически детальная картина его изменений, а также следы масштабных архитектурных сооружений, то мы возьмем его как отправную точку для нашей статьи.

Известно, что его развитие началось не позже III-II до н.э. и в это время он не был единственным крупным центром в долине Мехико. Вторым был Куикуилько, длительное время превосходивший Теотиуакан по своим размерам и масштабу.

Последующие события, в том числе извержения ряда близлежащих вулканов, поставило под удар последний и привело к перемещению существенных масс населения из одной части долины в другую. Недавние исследования поставили под сомнение позицию, что именно это и стало отправной точкой для начала доминирования Теотиуакана, так как его развитие было параллельным Куикуилько и предполагало их взаимное влияние.

Из-за многометрового слоя лавы раскопки последнего существенно затруднены, потому основные материалы известны по центральным искусственным холмам города. Поэтому вопросы развития первого крупного центра долины Мехико, который уже существовал к 500 г до н.э. надолго останутся неизвестными [6, с. 237].

Другая участь постигла ряд наиболее ранних известных памятников вроде Тлатилько, которые были исследованы до 70-х годов: они были поглощены разраставшимся Мехико. Несмотря на наличие следов имущественной дифференциации в захоронениях, керамики ольмекского стиля, каких-либо признаков, указывающих на наличие урбанистических центров в тот период нет [18, с. 6-12]. Это ставит исследование материалов Теотиуакана в особое положение в виду существенно лучшей сохранности.

Первоначально на его территории находились несколько поселений, которые поступательно образовали единое поселение. В конце I в. до н.э. начинается поэтапное формирование единого плана города, выстраивавшегося вокруг центральной части – так называемой «Аллеи мёртвых».

Оно представляет собой комплекс земляных пирамид, облицованных камнем, а также ряда крупных строений, которые имели центральное значение для города. Точное назначение многих из них остается предметом различных споров и дискуссий. Благодаря же сохранившимся фрескам установлено, что сама «Аллея мертвых» носила именно культовый характер. Она образовывала собой центральную ось, по которой происходила ориентация строений всего города, завершаясь пирамидой Луны. Такая трактовка не исключает того, что она была центральным локусом и других видов деятельности. Так, кварталы с наиболее престижными предметами и большие площади находятся ближе к ней [4].

Такая деятельность в течение многих десятилетий наводила исследователей на предположения о существовании централизованного аппарата управления, ответственного за координацию возведения подобных монументальных сооружений.

Наиболее частым ожиданием были предположения найти захоронения правителя данного города, либо других лиц, с богатым погребальным инвентарем и особой позицией по отношению к другим. Но на данный момент подобные захоронения так и не были найдены. Данная ситуация подводит к тому, что взгляды на политическое устройство одного из крупнейших для своего времени поселений остается неясной и не существует единого консенсуса о нем.

Первые теории исходили из величины самого города, его необычного характера (к примеру, наличия единого плана организации всего поселения), монументальности строений. Поэтому в 70-е годы он мыслился как столица крупной мезоамериканской империи. Аргументом в пользу является широкий ареал распространения

материальной культуры города и влияние на ряд отдаленных регионов, к примеру, майя низменностей. Любопытным фактом является то, что никакой другой известный город не имел такой структуры как Теотиуакан, за исключением Теночтитлана – крупнейшего города ацтеков [19].

По мере накопления материала абсурдность подобных теорий стала очевидной. Так как он не оказывал определяющего влияния на синхронные ему крупные центры в долине Мехико, сохранявшие свою самобытность, равно как и вероятно политическую самостоятельность [7]. С другой стороны, большой ареал влияния остается неоспоримым. В частности, культ пернатого змея, скорее всего, впервые был создан здесь.

Еще одним фактом, является период активного монументального строительства в короткий промежуток с 100 по 250 г н.э. (даты по Каугиллу). Оно было и до того: пирамиды Луны и Солнца до этого периода имели несколько этапов возведения. Однако наиболее крупные этапы датируются данным периодом.

Центральным сооружением является комплекс Сьюдадела. Во-первых, это наиболее ресурсозатратный монументальный комплекс из всех когда-либо созданных; во-вторых, на его территории находится пирамида Пернатого Змея. Несмотря на небольшой размер, объем работ, затраченных на создание сопоставим с объемом всей пирамиды Солнца [5, с. 77]. Она подверглась ритуальному уничтожению в конце периода и была застроена ступенчатой платформой.

В-третьих, на территории Сьюдаделы, рядом с пирамидой Пернатого Змея, было обнаружено массовое ритуальное захоронение большого количества людей со следами преднамеренного убийства. Необычным является сам масштаб, который нигде более на территории города не найден [4, с.176-191]. Хотя при раскопках пирамиды Луны также найдены следы ритуальных убийств.

В-четвертых, среди массового захоронения была найдена могила 13 с предметами, свидетельствующими о высокой позиции умершего с деревянным посохом, подчеркивающим его особый статус, хотя и без особо богатого погребального инвентаря. Стоит отметить, что аналогичное одиночное захоронение найдено также и в пирамиде Луны. Последняя, вероятно, была центральным элементом в комплексе «Аллеи Мертвых», исходя из ее местоположения и наличия там многотонной скульптуры божества, которое нигде более не было обнаружено.

Тем самым, на небольшой период времени власть в Теотиуакане могла быть сосредоточена в руках одного лица. Вероятным подтверждением выступает интерпретация ряда эпиграфических памятников майя низменностей из Тикаля, Копана и др.

Согласно данной теории некий правитель (по текущей интерпретации названия Сова Метатель Копий), обладающий титулом наивысшего правителя (калоомте Запада), произвел ряд династических смещений в регионе майя [12, с. 227]. Существенными дополнениями к этому являются использование архитектурного стиля талуд-таблери в упоминавшихся городах (хотя это произошло еще с второй половины III в н.э., [13, с. 200] а не в районе 378 г н.э.), изображения людей, а затем и ряда майяских правителей в облачениях воинов из Теотиуакана.

С другой стороны, исходя из накопленных данных, начинает преобладать мнение о том, что это могли быть потомки изгнанного рода, которые находились в другом поселении.

В следующий период с 250 по 500 г. н.э. в Теотиуакане происходит еще более масштабное строительство. Оно выразилось в тотальной перестройке всего города на основе закрытых кварталов. Доподлинно неизвестно как происходило разграничение между ними. Хорошо исследованные кварталы показывают, что различия были как по местоположению и имущественному признаку, так и по этническому. Так, известны кварталы сапотеков из долины Оахака [20] и квартал майя. В рассматриваемый период Теотиуакан приобрел свой облик, который и просуществовал до заката его влияния в районе VI-VII в., хотя и после этого он оставался крупным и значимым центром в долине Мехико.

Такая необычная для Мезоамерики картина, когда целый город основательно перестраивается по четкому плану вызывает целый ряд вопросов. Так, к примеру, следы притока населения из других регионов, огромное количество населения, которое требовало постоянных поставок необходимых благ и еды, предполагает наличие развитой системы редистрибуции. В этом и проявляется специфический характер города.

До сих пор не обнаружено следов деятельности центрального, иерархизированного аппарата распределения в отношении всего населения. Исследования распределения обсидиана указывает, что обыденное потребление обеспечивалось по множеству путей и не предполагает централизованного контроля [1, с.124]. Поэтому исследователи кварталов, отдаленных от Аллеи Мертвых, склоняются к моделям корпоративного управления [14].

Мы же склоняемся к тому, что Теотиуакан, как и остальные мезоамериканские центры носил, в первую очередь, культовую функцию. Отсутствие прямых доказательств возвеличивания элит не значит их отсутствия. Они носили другой характер. Мы предполагаем, что центральная власть принадлежала к лицам, которые заведовали центральными культами города. Несмотря на наличие большого количества отсылок к милитаризму в виде изображений воинов, человеческих жертвоприношений, на данный момент нет убедительных доказательств центрального значения военной организации для города. Косвенным подтверждением этому является отсутствие фортификационных сооружений как в самом городе, так и в регионе.

Центральным, на наш взгляд, выступает культурное влияние самого города. В материалах майя известны путешествия ахавов на восток с целью получения особых знаний/подкрепления своего престижа/утверждения власти.

Аналогично обращению к наследию Теотиуакана, с целью обоснования своей власти, прослеживается в стелах Тикаля. Также титул калоомте не использовался ими ранее середины VI века [17, с. 98], когда влияние первого уходит на спад в результате внутренних конфликтов.

Вероятно, это связано с увеличением дистанции между элитами и остальной частью населения наряду с существенным изменением положения последних. Об этом свидетельствует тенденция ухудшения питания по материалам анализа костных останков [22]. Хотя такие исследования имеют небольшие выборки и малую репрезентативность различных кварталов.

Теотиуакан показывает сложность реконструкции политического устройства отдельно взятого города. Это отсылает нас к основному вопросу: а было ли там государство? Ответить на данный вопрос однозначно невозможно, так как с одной стороны, сам масштаб, планировка и культурное влияние на большой территории (как

для Мезоамерики, хотя она сравнительно невелика) предполагают наличие более сложного аппарата управления в отличие от ныне известного. С другой стороны признаков, того, что мы могли бы ожидать, ориентируясь на материалы других регионов мира, нет. Подобным образом решается и вопрос с тем, каков был уровень цивилизации.

На наш взгляд, проблема в самом вопросе, а, точнее, в тех терминах, которые используются.

Теотиуакан был совершенно другим, невозможно его сравнить в полной мере с Таоси, Тель Браком или Уари (городом). Поэтому необходима выработка детальных моделей, основанных на детальных, масштабных горизонтальных раскопках, которые бы раскрывали жизнедеятельность представителей различных групп населения с достаточным хронологически разрешением. Отсюда и проистекает основная проблема, поскольку такие исследования явление исключительно редкое и малораспространенное, а потому многие идеи и предположения страдают от количества нехватки информации, больших неточностей, и, видимо, эта проблема так и останется нерешенной.

Тем не менее, Теотиуакан можно сравнивать по объективным показателям, а также по уровню специализации производства и пролиферации различных типов функциональных ролей людей, к примеру, по количеству разнообразного рода профессий. В этом и заключается суть подхода, выражающегося в термине «сложность общества».

На наш взгляд, наиболее точная реконструкция социального устройства является основной и первоочередной задачей исследователей, а не повсеместное изложение абстрактных идей, базирующихся на материалах других, более известных культур. Покуда не появится достаточное количество среднеуровневых региональных моделей динамики социального устройства обществ, невозможно говорить о проведении сравнительных исследований различных культур, попыток рассмотреть наличие каких-то конкретных корреляций. Поэтому, построение каких-либо математических концепций исторического развития древних культур едва ли имеют какую-либо ценность, за исключением демографических моделей, хотя их тоже следовало бы воспринимать с большой долей осторожности и скептицизма.

Иллюстрацией к этому послужит ситуация с одним из наиболее хорошо изученных регионов Мезоамерики – долиной Оахака и культурой сапотек. Усилиями многих десятилетий работы ученых, например, Кента Фланнери, известна динамика развития систем поселений и культуры.

Начиная с конца II тыс. до н.э. происходит активное формирование крупных оседлых поселений, ряд которых начинает проявлять признаки центральных мест для отдельных ветвей долины [23]. Данное явление является достаточно поздним по сравнению с Сан Лоренцо и тихоокеанским побережьем Чьяпаса. Однако если обратиться к материалам Ла Консентида, на тихоокеанском побережье штата Оахака, мы можем выяснить, что уже в начале II тыс. до н.э. существовали ритуальные центры, притягивавшие к себе людей с окрестностей [10]. Отсюда вытекает вопрос о том, а была ли долина Оахака первым местом, где начали происходить социальные процессы, ведущие к усложнению структуры общества? Ответ – нет.

Ольмекское влияние оказывала не культура Сан Лоренцо, а региональные формы. Хорошей иллюстрацией к этому вступает Чалькатцинго, в котором следы куль-

товой мобилизации, формирование ландшафта происходит также во второй половине II тыс. до н.э., [9, с.210] хотя наиболее активный расцвет происходит уже в середине I тыс. до н.э.

Данный факт заставляет задуматься о значимости Сан Хосе Моготе, принимая во внимание и открытие в 2018 г. Такеши Иноматой огромного искусственного земляного холма в Агуада Феникс, объем трудозатрат и монументальность которого делают его одним из крупнейших известных сооружений за всю историю Мезоамерики. Он датируется около 1000 – 750 г до н.э. [11, с. 532-533]. Потому сооружения Сан Хосе Моготе не представляют ничего особенного, а выставляют его как небольшой локальный центр. Стоит напомнить, что все вышеуказанные сооружения создавались в условиях преобладания охоты и собирательства.

В особое положение Оахаку ставит сооружение другого центра, который имел доминирующее положение в долине, – Монте Альбана. Его возведение датируется приблизительно 500 г. до н.э. [3, с. 232] Он был спланированным проектом: сооружен в месте, которое находится в сочленении трех поддолин Оахаки, на вершине возвышенности (около 400 м относительной высоты), а само его возведение сопровождалось четкой планировкой и обезлюдиванием окружающих поселений. Монте Альбан характеризуется корпоративной формой правления.

Теоретические дискуссии ведутся вокруг уровня политической организации. Основная проблема заключается не в материалах и качестве их сбора: работа в долине Оахака титаническая по своему объему, и в Мезоамерике ее не с чем сопоставить (близка долина реки Белиз, но существенно отстаёт по охвату территории и поселений), а в интерпретациях: во-первых, это спор между сторонниками «материнской» или «сестринской» культуры ольмеков (более подробно это раскрыто в нашей отдельной статье). Во-вторых, возникает спор о том, где было первое государство в Мезоамерике. Такая ситуация привела к «подтягиванию» интерпретаций археологических материалов под соответствующие цели. К примеру, исследователи долины Оахака склонны рассматривать ее в рамках нее самой или близлежащих регионов, и, конечно же, Ольмана. Но если сравнивать с материалами майя низменностей, то Монте Альбан будет выглядеть на их фоне небольшим центром, тем более, если проводить сравнение с Эль Мирадором и его окружающим поселением сателлитами. Однако, последнее, наш взгляд, принижает уникальность материалов исследования, равно как и особенности самого региона.

Детальную критику доказательств существования государства в Оахаке в позднем формативном периоде излагает Артур Джойса. Приведем наиболее существенные из них: во-первых, Монте Альбан не мог быть административным центром всей долины, так как существовали центры, явно от него независимые. Они существенно отличаются, как по стилям материальной культуры, так и по культовой символике. Во-вторых, контроль над соседней долиной в Куикатлан де ла Каньяда явно преувеличен и базируется на факте нахождения там керамики из Монте Альбана [16, с. 147, 154-155] В-третьих, не установлен в полной мере характер взаимоотношений между ним и другими поселениями долины. Обоснование на основе иерархии поселений, исходя из их размера, является явно недостаточным.

Монте Альбан не был особо крупным центром в рамках Мезоамерики и его влияние было весьма ограниченным. Он имел связи с Теотиуаканом и представлен там отдельным кварталом. Исследования материальной культуры показывают длитель-

ные связи с Оахакой, но о свидетельствах взаимоотношений подчинения-иерархии между «империей Теотиуакана и государством сапотек» речи не идет.

С нашей позиции, ценность Монте Албана состоит в том, что это замечательный пример растущей регионализации культуры в среднеформативном периоде. В районе 400 г. до н.э. перестает функционировать Ла Вента - последний крупный центр ольмекской культуры (рассвет Трес Цапотес относится к эпохе ольмекской). В этот же период в Оахаке, как и в целом в Мезоамерике, существенно падает количество материальных свидетельств, напрямую воспроизводящих «ольмекские» религиозные символы. Становление более самобытной культуры (не без помощи физического уничтожения противников), появление и все большее распространение местных символов косвенно свидетельствует о развитой оседлости населения. Стоит указать, что в среднеформативном периоде кукуруза и сельское хозяйство становится все более значимым источником пищи (хотя основную роль уже играет приблизительно к середине позднеформативного).

В стремлении обосновать модели администрирования в духе централизованного бюрократического аппарата упускается ключевая роль культа в регуляции жизни людей, многочисленные формы организации, основанные не только на иерархическом подчинении (под общим термином гетерархия).

Мало того, невозможно разделять светское и духовное где-либо в доколумбовой эпохе Мезоамерики, потому поиск административных элит при упущении из виду культовых функций является ошибочным. Население Оахаки было небольшим и более распределенным, если сравнивать ее с тем же Теотиуаканом. Соответственно, не так велики были организационные потребности. Поэтому, мы склоняемся к мнению Артура Джойса, рассматривающего Монте Альбан, в первую очередь как доминирующий культовый центр долины. На этом фоне закономерной выглядит дальнейшая дезинтеграция сложных форм организации в Оахаке после запустения Монте Альбана. Пришедшие испанцы столкнулись с большим количеством враждующих политий.

Во многом преувеличена роль в Мезоамерике войны. Достаточно привести факт того, что активное строительство повсеместных фортификаций относится уже к деятельности таррасков, находившихся в конфликте с ацтеками. Количество фортификаций до того сравнительно незначительно, и они носят спорадический характер, как к примеру, фрагменты стен (часто незаконченных и вокруг центральных групп строений) в поселениях майя в конце позднего формативного периода. Стоит отметить, что чаще всего объектом посягательств противников были ключевые культовые здания, подвергавшиеся целенаправленной десакрализации [15], что не исключало отдельных случаев тотального уничтожения близлежащих поселений [21].

Список литературы:

1. Carballo, David. (2013). The social organization of craft production and interregional exchange at Teotihuacan. Merchants, Markets, and Exchange in the Pre-Columbian World. pp. 113-140.
2. Cecelia F. Klein, Eulogio Guzmán, Elisa C. Mandell, and Maya Stanfield-Mazzi The Role of Shamanism in Mesoamerican Art: A Reassessment // *Current Anthropology*, Vol. 43, No. 3 (June 2002), pp. 383-419
3. Christina Elson Cultural Evolution in the Southern Highlands of Mexico: From the Emergence of Social Inequality and Urban Society to the Decline of Classic-Period States // *The Oxford Handbook of Mesoamerican Archaeology* Edited by Deborah L. Nichols, pp.231-246

4. Cowgill, George L. Ancient Teotihuacan : early urbanism in Central Mexico / George L. Cowgill, Arizona State University, 2015
5. David M. Carballo Power, Politics, and Governance at Teotihuacan // Teotihuacan : the world beyond the city / Kenneth G. Hirth, David M. Carballo, and Barbara Arroyo, editors, Dumbarton Oaks, 2020, pp.57-96
6. Deborah L. Nichols City, State, and Hinterlands Teotihuacan and Central Mexico// Teotihuacan : the world beyond the city / Kenneth G. Hirth, David M. Carballo, and Barbara Arroyo, editors, Dumbarton Oaks, 2020, pp. 227-277
7. Deborah L. Nichols, Hector Neff and George L. Cowgill (2013). Cerro Portezuelo: states and hinterlands in the Pre-hispanic basin of Mexico. *Ancient Mesoamerica*, 24, pp 47-71 doi:10.1017/S0956536113000035
8. Demarest, Arthur A Ideology in Ancient Maya Cultural Evolution: The Dynamics of Galactic Polities. In *Ideology and Pre-Columbian Civilizations*, edited by Arthur A. Demarest and Geoffrey Conrad, pp. 135–157. School of American Research Press, Santa Fe, 1992
9. Guillén, Ann Cyphers. "Women, Rituals, and Social Dynamics at Ancient Chalcatzingo." *Latin American Antiquity* 4, no. 3 (1993): 209-24. Accessed January 28, 2021. doi:10.2307/971789.
10. Guy David Hepp La Consentida: Initial Early Formative period settlement, subsistence, and social organization on the Pacific coast of Oaxaca, Mexico Ph.d. thesis University of Colorado 2015
11. Inomata, T., Triadan, D., Vázquez López, V.A. et al. Monumental architecture at Aguada Fénix and the rise of Maya civilization. *Nature* 582, 530–533 (2020). <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2343-4>,
12. James Borowicz. (2003) Images of Power and the Power of Images: Early Classic Iconographic Programs of the Carved Monuments of Tikal. In Geoffrey Braswell (Ed.), *The Maya and Teotihuacan: Reinterpreting Early Classic Interaction* (pp.217-234). Austin, TX: University of Texas Press.
13. Laporte, Juan Pedro. (2003). Architectural Aspects of Interaction Between Tikal and Teotihuacan During the Early Classic Period. In Geoffrey Braswell (Ed.), *The Maya and Teotihuacan: Reinterpreting Early Classic Interaction* (pp.199-216). Austin, TX: University of Texas Press.
14. Linda R. Manzanilla Citation Tools Cooperation and tensions in multiethnic societies // *Proceedings of the National Academy of Sciences* Jul 2015, 112 (30) 9210-9215; DOI: 10.1073/pnas.1419881112
15. Marisol Cortes Rincon A Comparative Study of Fortification Developments Throughout the Maya Region and Implications of Warfare, Doctoral Dissertation, The University of Texas at Austin, 2007, p.84-180
16. Mixtecs, Zapotecs, and Chatinos: ancient peoples of southern Mexico/Arthur A. Joyce, John Wiley & Sons Ltd, 2010.
17. Phillip Julius Wanyerka Classic Maya political organization: epigraphic evidence of hierarchical organization in the Southern Maya mountains region of Belize, ph.d. dissertation, 2009.
18. Plunket, Patricia, and Gabriela Uruñuela. "Where East Meets West: The Formative in Mexico's Central Highlands." *Journal of Archaeological Research* 20, no. 1 (2012): 1-51. Accessed January 22, 2021. <http://www.jstor.org/stable/41410939>.
19. Smith, Michael E. "The Teotihuacan Anomaly: The Historical Trajectory of Urban Design in Ancient Central Mexico", *Open Archaeology* 3, 1 (2017): 175-193, doi: <https://doi.org/10.1515/opar-2017-0010>
20. Teotihuacan and Oaxaca: Assessing Prehispanic Relations (Gary M. Feinman and Linda M. Nicholas, 2020). In *Teotihuacan, The World Beyond the City*, edited by Kenneth G. Hirth, David M. Carballo, and Barbara Arroyo, pp. 331–369. Dumbarton Oaks, Washington, DC
21. Wahl, D., Anderson, L., Estrada-Belli, F. et al. Palaeoenvironmental, epigraphic and archaeological evidence of total warfare among the Classic Maya. *Nat Hum Behav* 3, 1049–1054 (2019). <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0671-x>
22. Widmer, R.J., Storey, R. Skeletal health and patterns of animal food consumption at S3W1:33 (Tlajinga 33), Teotihuacan. *Archaeol Anthropol Sci* 9, 51–60 (2017). <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0417-x>
23. Джойс Маркус, Кент Фланнери Сапотекская цивилизация: История развития урбанистического общества в мексиканской долине Оахака, 1996, пер на рус. яз.

Koshman V.A. Problems in origin of statehood in the Mesoamerica // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – T. 7 (73). № 4. – P. 28-36.

In the article methodological problems of statehood origin are described. Author's attention is drawn on analysis of certain regions in the time of local polities formation. Particular problematic aspects of society structure formation in the Teotihuacan are being analyzed. It is stated that search for centralized modes of governance there results in nothing, instead there are more data on heterarchical system of governance. Problems of statehood origin's interpretation in the Oaxaca valley are presented. Role of the Oaxaca valley in Mesoamerica's statehood formation is evaluated.

Key words: Mesoamerica, statehood, Zapotecs, Teotihuacan, Oaxaca valley, Monte Alban.